

Література:

1. Воркачев С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика: Межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж: ВГУ, 2002. – Вып.3. – С. 30-38.
2. Всемирная энциклопедия: Философия / Гл. ред. А.А.Грицанов. – М.: АСТ, Минск: Харвест, Современный литератор, 2001. – 1312с.
3. Полубиченко Л.В. Филологическая топология в английской классической поэзии. – М.: МГУ, 1988. – 146с.
4. Демьянков В.З. Лингвopsихология // Вопросы лингвистики и лингводидактики на современном этапе: Мат-лы VII науч.-практич. конф. – М.: Факультет славянской и западноевропейской филологии, Моск. пед. ун-т, 1999. – С. 45-51.
5. Демьянков В.З. *Понятие и концепт* в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. – М. – 2001. – № 1. – С.35-47.
6. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. С.Н.Зенкина. – М.: Ин-т экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1998. – 286с.
7. Русский язык: Исторические судьбы и современность. – М., 2001. – 482с.
8. Колесов В.В. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та: Сер. 2. Языкознание. – 1992. – Вып.3 (№16). – С. 31, 35-37.
9. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128с.
10. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. – 104с.
11. Гревцев М.С. Концепт в аспекте теории переходности (на материале поэтических текстов Вяч. Иванова) // Молодежь и наука III тысячелетия: Краевая науч.-практич. интернет-конф. студентов, молодых ученых и специалистов. – Ставрополь: СГУ, 2001. – [htt://conf.stavsu.ru/youth_sci/sec7.html](http://conf.stavsu.ru/youth_sci/sec7.html).
12. Гурин С.П. Маргинальная антропология. – Саратов: Изд. центр СГЭА, 2000. – 41с.
13. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23. – С.12-51.
14. Тхостов А.Ш. Топология субъекта (опыт феноменологического исследования) // Вестник Московского Университета. Сер.14. Психология. – М., 1994. – № 2. – С.3-13; № 3. – С.3-12.
15. Вальденфельс Б. Вступ до феноменології / Пер. з нім. М.Д.Култаєвої. – К.: Альтерпрес, 2002. – 176с.
16. Азаренко С.А. Топология культурного воспроизводства (на материале русской культуры). – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2000. – 224с.
17. Хайдеггер М. Язык. – СПб.: Эйдос, 1991. – 20с.
18. Флоренский П. А. У водоразделов мысли. – М.: Изд-во «Правда», 1990. – 448с.

Поступила 27.02.2004 г.

КОНЦЕПТ «МЕСТЬ» В РУССКОЙ, ИТАЛЬЯНСКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫХ ТРАДИЦИЯХ КАК КОНСТАНТА КУЛЬТУРЫ

У. А. Карпенко

В статье рассматривается реализация концепта «Месть» в русской, английской, итальянской культурно-языковых традициях. Концепт изучается в рамках фреймового подхода к анализу концептов, в результате которого делаются выводы о том, что концепт «Месть» является константой культуры.

Ключевые слова: концепт, фрейм, константа, месть

У статті розглянуто реалізацію концепту “Помста” у російській, англійській та італійській мовно-культурних традиціях. Концепт вивчається у рамках фреймового підходу до аналізу концептів, у результаті якого робляться висновки про те, що концепт “Помста” є константою культури.

Ключові слова: концепт, фрейм, константа, помста

The realization of concept “Vengeance” in Russian, English and Italian cultures is analyzed in the article. Concept “Vengeance” is studied by frame way of analyzing of concept, as a result there are conclusions done, that concept “Vengeance” is the cultural Constant

Key words: concept, frame, constant, vengeance

Исследование концептов весьма активно в современной науке. **Актуальным** представляется изучение реализации одного и того же концепта в разных языковых культурах, что позволяет выводить общие концептные смыслы и национально-специфические компоненты в структуре понятийных значений концепта.

Концепт представляет собой содержательную единицу, как предмет анализа он требует некой организованной формы. Такой формой анализа концепта в нашем исследовании является фрейм. Во внутренней форме последнего лежит сема “frame”, буквально «рамка», которая представляет собой форму, концепт же происходит от «conchetto» (идея, понятие), представляя собой содержание.

Составление фреймовой рамки даёт возможность наложения фрейма одного и того же концепта в разных языковых культурах, что, с одной стороны, позволяет выявить лакунарные позиции, с другой – культурно-языковую, национальную специфику проявления концепта в разных языках.

Целью нашего исследования является изучение концептов, заполняющих позицию единого фрейма «вооружённое противостояние», и сопоставление вариантов данного фреймового инварианта в русской, итальянской, английской культурно-языковой традиции. Материалом для анализа явились поэтические произведения основоположников и реформаторов литературных языков своих культур – А.С. Пушкина, Дж.Г. Байрона и А. Мандзони. В данной статье приведём исследование концепта «месть», который, по результатам нашего исследования, явился общим для трёх культур. Именно поэзия великих реформаторов, по замечанию Д.С. Лихачёва, в большой степени отражает концептосферу их языковых культур.

Исходя из положения о слоистом строении концепта, выдвигаемом, в частности, Ю.С. Степановым, мы привлекаем к анализу этимологические, толковые словари, которые отражают исходный и последующие этапы семантического движения в развитии значения концепта.

Приведём некоторые примеры анализа концепта «Месть» на русском, итальянском и английском материале.

Первоначальное значение слова *mьttь – месть – «замена, подмена», отсюда – дальнейшее зло за зло [2, I, с. 608; 3, с. 263; 4, с. 263].

Местить или мстить – оплачивать злом за зло, воздавать за обиду или вертаться злом [1, II, с. 321].

Но сохранил я клад последний, Мой третий клад: святую месть. Её готовлюсь богу снести (А.С. Пушкин, Полтава).

Последним остаётся у человека месть. Месть сопровождается эпитетом «святая» и представляется даром, достойным того, чтобы его принесли Богу. Месть воспринимается подчёркнуто положительно. В значении справедливой мести отсутствует сема «зло за зло», представленная в толковых словарях, однако реализуется компонент этимологического значения «обмен». Он прослеживается в том, что месть представляется даром, «вознаграждением, благодарностью». Эта сема реализуется в греко-сицилийском значении данного слова, приводимом Фасмером. Дар этот достоин Бога, то есть предполагается равным его высоты даром, позволяющим равный обмен между смертным и бессмертием. Данное значение выступает в контексте этимологического значения об обмене на равных.

Английское vengeance – the act of or desire for taking revenge; retributive punishment. From Old French, from venger to avenge, from Latin vindicare to punish (Collins) – акт или желание отомстить, наказание возмездием. Из старофранцузского, от venger мстить, от латинского vindicare наказывать.

Обратимся к поэтическим примерам.

We have wives. On them such outrage Vengeance will repay; Man is our foe, and such 'tis ours to slay: But still we spared – must spare the weaker prey. (Byron, The Corsair)	И у нас есть жёны. Рок оплатит мезью им. Мужчина – враг: жестоки будьте с ним; Но женщин мы щадили и щадим. (Дж.Байрон, Корсар)
--	---

В данном микротексте значение мести выражено словом “Vengeance” и «рок» (в русском переводе). «Месть» предстаёт как нечто сверхъестественное, буквально «за такое беззаконие месть оплатит им». Законным действием в русском варианте выступает «пощада», в английском – «spare», буквально ‘сохранение’ («мы должны сберечь более слабую жертву»).

Таким образом, “Vengeance” мстит за беззаконие, грозит мезью за нападение сильного на слабого, следовательно, является справедливым и действует, полностью соответствуя общечеловеческой морали. Отметим, что в русских примерах носителем мести был сам человек, в английском же примере наблюдается уверенность в мести рока, вера в то, что существует некая высшая справедливость, не зависящая от человека и не исходящая от него.

Концепт “месть” в английских текстах реализуется такими синонимами, как “revenge”, “avenge”.

Revenge – the act of retaliating for wrongs or injury received; vengeance. From Old french revenger, from Late Latin revindicare, from RE- + vindicare to VINDICATE (Collins). Месть – акт расплаты за нанесённое зло или вред, отмщение. Из старофранцузского revenger, от позднелатинского revindicare, от RE- + vindicare мстить. Значения приставки RE- как морфемы – мельчайшей семантической единицы, RE- + vindicare обозначает «мстить снова, заново, в отместку за что-то, не на пустом месте, а на основании чего-то». Если “vengeance”, исходя из приводившегося толкования и поэтических значений, представлялось

некоей мстящей силой в целом, то “Revenge” – это месть конкретная, расплата за конкретное свершившееся действие (что следует из внутренней формы, в частности из значения приставки RE-). Avenge – to inflict a punishment in retaliation for (harm, injury, etc.) done to (a person or persons); take revenge for or on behalf of; from Old French avengier, from vengier, from Latin vindicare (Collins) – мстить – осуществлять наказание в качестве возмездия за вред, ущерб и т.п., сделанный человеку или людям; мстить за что-л. или от кого-л., из старофранцузского – avengier, от vengier, от латинского vindicare.

Толкования, очевидно благодаря общему корню “avenge” и “revenge”, практически совпадают. Обратимся к реализации значений анализируемого концепта в поэтических текстах.

Wronged – spurned – reviled –and it shall be avenged (Byron, The Corsair)	Оттолкнута, оскорблена – я мщу! (Дж.Байрон, Корсар)
--	--

Оригинал и перевод практически совпадают с небольшим различием в оттенке значения активного выполнения действия. В русском адресант мести назван чётко – «я». В английском используется конструкция с семантикой безличного долженствования: “...it shall be avenged”/это должно быть отомщено/, – т. е. конкретный человек, мстящий за себя, не называется. В приведённой фразе ярко реализуется значение, приводившееся в толковании: мстить за кого-то, от имени кого-то. Таким образом, в английском тексте оскорблённая женщина жаждет отмщения, в русском – сама мстит за себя.

Концепт «месть», реализующийся в английском языке вариациями-словами “vengeance”, “revenge”, “avenge”, наделяется значениями «месть рока» как высшей силы (“vengeance”), ответная месть человека за причинённое ему зло (“revenge”, “avenge”), которая считается справедливой, соотносится с праведным наказанием, видится как логический итог. В отличие от русского “месть”, “revenge”, “avenge” – это действия спокойного рассудка, которые следует, должно совершить или самому обиженному, или тому, кто мстит за него. Действие это угодно не только этому миру, но и тому, если отмщение осуществляется за погибшего. Мечь не осуждается.

Итальянское vendetta – da vendicare: ‘far scontrare un torto, un’ingiustizia, un delitto, arrecando volontariamente un danno piu’ o meno grave all’offensore. Lat. Vindicare ‘fare la funzione del vendicatore(vindice(m) di formazione non molto chiare) ‘Ne derivò’ nel lat. tardo della chiesa vindicatore(m) addetto a tradurre. Vendetta – от vendicare – заставить виновного заплатить за свою неправоту, несправедливость, преступление, причиняя обидчику более или менее серьёзный вред. От латинского Vindicare – исполнять действие мстителя, слово неясного происхождения. Возникло в поздней латыни от церковного vindicatore(m) – предназначенный для перевода.

В итальянском, очевидно, концепт “vendetta” – «месть», действительно, занимает особое место. Данный концепт получил отражение в разных видах искусства (начиная древними приданиями и заканчивая кинематографом), отметим, что так называемые разновидности мести закреплены в языке на грамматическом уровне. А именно: в категории возвратности глагола: “vendicare” – «мстить» (за кого-, что-); “vendicarsi” – «мстить за себя», буквально «отмщаться». Возвратность материально выражена глагольным постфиксом –si. Отсюда логично объясняется церковное значение позднелатинского «предназначенный переводить» – “vindicatore(m)”, то есть некто, уполномоченный переводить, переносить реальные или словесные действия от чьего-то имени на кого-то или что-то, и действия эти являются ответной реакцией на нечто, совершённое ранее.

Обратимся к поэтическим контекстам.

Ben talor nel superbo viaggio Non l’abbatte l’eterna vendetta; Ma lo segna, ma veglia ed aspetta;
Ma lo coglie all’estremo sospir (Madzoni, Il Conte di Carmagnola).

«Так, божественное отмщение, что вечно, не поражает его в жизни, где он имеет высокую власть, но за ним следит око, его видит и поджидает и его поражает в миг последнего вздоха».

В данном контексте “vendetta” используется в значении высшего суда, приводившегося в словарном толковании. Слово «месть» снабжено эпитетом “eterna” – «вечная», что говорит о невозможности мечь эту избежать. Она может ждать, но не миновать. Источником мести Бог не называется, а подразумевается. В силу скрытости этого подтекста может создаться ощущение восприятия «мести» как высшего, сверхъестественного мерила справедливости, которое “segna, ma veglia ed aspetta..., coglie “ – «отмечает, следит, ждёт и поражает».

Таким образом, месть олицетворяется, “Vendetta” представляется как некая сверхъестественная сила, судящая каждого, от которой не может укрыться никакое зло. Мстителем также может выступать человек, воздающий за себя или за другого обиженного.

Выводы. Общей семой в понимании мести в русской, английской, итальянской культурах является «предопределённость свыше», справедливый ответ за несправедливое действие. Мечь воздаётся за себя или за других обиженных. В силу общезтимологической семы «обмена», значения в трёх культурах в целом совпадают.

Место концепта «мечь» во фреймовой рамке «вооружённое противостояние» помещается в позицию слота «мотив», то есть то, из-за чего между актантами (противостоящими сторонами) возникает конфликт. Позиция мотива стабильна в трёх языковых культурах. Концепт «мечь» в слоте «мотив» константен.

В труде Ю. Степанова «Константы: словарь русской культуры» среди констант, число которых ограничено, концепт «мечь» не значится. По результатам нашего исследования, «мечь» является константой культуры. Поскольку константа, по Ю. Степанову, это «концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время. Это постоянный принцип культуры» [5, с. 84]. Следовательно, концепт «мечь» правомерно может быть назван константой русской, английской, итальянской (а возможно, и мировой) культур, поскольку существует он «очень долгое время» и является «принципом», то есть первоочередным, тем концептом, который активно проявился в составе фрейма «вооружённое противостояние» в русской, итальянской и английской культурно-языковых традициях. Мечь наделяется положительной оценкой и коннотацией справедливости, в результате чего может причисляться к сфере культуры, а не антикультуры.

Изучение концептов при помощи фреймового подхода обеспечивает максимальную унификацию, а значит, и возможность применения данного подхода к другому материалу.

Литература:

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Русский язык, 1981.
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс, 1986. – Т. I (А-Д). – С. 573.
3. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. – К.: Радянська школа, 1970.
4. Шанский Н.М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: Просвещение, 1971. – 542 с.

Поступила 04.03.2004 г.

УНІВЕРСАЛЬНІ КОНЦЕПТИ В ХРИСТІАНСЬКІЙ КАРТИНІ СВІТУ ТА БІБЛЕЇЗМ ЯК ЗАСІБ ЇХ ВІДОБРАЖЕННЯ (НА МАТЕРІАЛІ СУЧАСНОЇ АНГЛІЙСЬКОЇ МОВИ)

І. О. Клівіцька

В статті розглядається біблійське вплив на формування основних лінгвокультурних концептів християнської картини світу. Особливу увагу приділяється одному з універсальних концептів, пов'язаному з космологічними уявленнями, та його відображенню в мовах.

Ключевые слова: християнська картина світу, біблійське вплив, біблеїзм, концепт, лексико-фразеологічні одиниці, символи

Стаття присвячено вивченню біблійного впливу на формування основних лінгвокультурних концептів християнської картини світу. Особлива увага приділяється одному з універсальних концептів, пов'язаному з космологічними уявленнями, та його відображенню в мовах.

Ключові слова: християнська картина світу, біблійний вплив, біблеїзм, концепт, лексико-фразеологічні одиниці, символи

The article deals with the study of the biblical influence on the development of the main concepts of Christian picture of the world. The attention has been focused on a universal concept connected with the cosmological world view. Specific emphasis is made on the concept's functioning in languages.

Key words: Christian picture of the world, biblical influence, biblical unit, concept, lexical units and idioms, symbols

Панування християнської ідеології протягом понад двох тисячоліть не може не вплинути на розвиток людства, його цивілізації, суспільно-політичного устрою, на пануючу в суспільстві ідеологію, морально-етичні норми та врешті на людську свідомість, а отже, на мову взагалі з усією її багатогранністю.

Цей вплив на мови (так звані «етнічні» мови) відбувався ще в часи поширення «надетнічних» релігій [термін Мечковської], і разом з цим розповсюджувалися і віросповідні тексти тими мовами, які ставали «надетнічними» («апостольські», «пророцькі» мови).

Але все ж таки можна говорити про двосторонній вплив, а саме про те, що Біблія певною мірою сформувала релігійну свідомість, яка у свою чергу відбилася у мові. Мовна ж система шліфує і вкорінює концепти картини світу (КС). Умовно кажучи, Біблія по суті є збірником основних концептів «релігійної» КС, отже, свідоме чи підсвідоме уявлення людини про світ, її світогляд у християнській культурі